

Новый Жихарь

Андрей Белянин,
Василий Головачёв,
Алекс Кош
и другие

БОГАТЫРИ НЕ МЫ

НОВЕЛЛЫ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б73

Составители сборника
В. Бакулин, Л. Демина, И. Минаков

Разработка серийного оформления *С. Курбатова*

В оформлении переплета использована работа
художника *А. Мозгалецкого*

Б73 **Богатыри** не мы. Новеллы. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 448 с. — (Новый Жихарь).

ISBN 978-5-699-93766-0

Тяжело быть самой красивой феей Запроливья. Вечно дают поручения, из-за которых приходится краснеть... Вот, например, поручили ей найти принца. Для поисков у феи есть специальный амулет. Станет кристально прозрачным — значит, принц рядом. Но это всего лишь подделка. Его высочество еще нужно увести с собой, убедить или прибегнуть к обману, а не подействует — соблазнить...

У деда Сергея день рождения в декабре, а родни — много. Пока их обойдешь, пока примешь все поздравления, пока всех угостишь самогонном собственного изготовления, глядишь, и новогодние праздники пройдут. И только одной гостье не везет, который уж Новый год она за ним приходит, а все никак не дожидается...

Если американец умер — это не значит, что у него нет гражданских прав! И никому не позволено называть восставших из могил граждан США всякими дикими прозвищами вроде «упыря» или «зомби». — некроамериканцы, и они обязательно защитят дарованные им конституцией гражданские права и свободы...

Андрей Белянин, Василий Головачёв, Алекс Кош и другие в новом сборнике, посвященном памяти грандмастера отечественной юмористической фэнтези Михаила Успенского!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Аваков С., Александер А.Д., Ангелов А.,
Бакулин В., Белаш А., Белаш Л.,
Белянин А., Вереснев И., Волков С.,
Гелприн М., Гё Ж., Головачёв В.,
Громов А., Дробкова М., Задунайский В.,
Зарубина Д., Золотко А., Кожин О.,
Кош А., Крич Е., Остапенко Ю., Таран А.,
Тихонова Т., Черная Г., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э»,
2017

ISBN 978-5-699-93766-0

В память о хорошем человеке

Дорогой читатель!

В твоих руках сборник «Богатыри не мы. Новеллы», который, как и предыдущий, «Богатыри не мы. Устарелы», посвящен памяти Михаила Успенского и приурочен к 29 ноября, дню рождения Мастера.

Составленный в память о хорошем человеке, сборник просто обязан соответствовать.

Он про то, что всех своих чудовищ мы, люди, носим в себе. Это прекрасно иллюстрирует история о типовом представителе племени офисного планктона, с гаджетами и современными представлениями о жизни, далеко не богатыре, в которого вдруг вселяется Черный гость, оказавшийся не жутким Черным человеком, призраком, приходившим еще к Моцарту, а всего лишь асоциальным алкоголиком, отцом главного героя. Но это, как оказалось, не лучше. А может, и не было никакого отца? Может, все переселение душ — это просто наши потаенные мысли и чувства, до поры до времени скрытые в глубине наших душ? Как выразился известный поэт: «Я обманывать тебя не стану, залегла забота в сердце мглистом...» И решать эту проблему некому, кроме нас самих.

Он про то, что Балканы прекрасны, даже когда там идет война и льется кровь — так, пожалуй, еще прекраснее и еще страшнее. И, конечно же, сливовица — это не граппа, пршут — не пармская ветчина, вилы — не просто русалки, а Балканы — никоим образом не Европа. Никогда ею не были и не будут. Пусть не географически, все-таки «мяг-

кое подбрюшье», но уж точно ментально и трансцендентно. И с богатырями там все в порядке, только называются они по-другому — юнаками. Ну или летчиками-призраками, сбрасывающими бомбы на голову самому Муссолини. А пришельцам, желающим учить жизни местные народы, неплохо бы зарубить на носу, что сенки, они же партизаны, которые, как в известной песне — «не знал бедняга, что уж кончилась война» — и сами могут кой-чему поучить непрошенных гостей.

Он про то, что когда-то давно принято было перемещать янки ко двору короля Артура, а нонче попаданец пошел сознательный и разборчивый, и без малого король Артур — правда, имя у него другое, но не суть важно — не только волею судеб попадает в гости к янкам, но и сознательно остается там на ПМЖ, подобно толпам современных мигрантов. А почему, собственно, нет? Вождеденный паспорт гражданина США при нем, можно даже готовую на все фею с модельной фигуркой (фей с целлюлитом не бывает!) вытащить из дремучего Средневековья в цитадель прогресса и демократии, ибо в Средневековье такое чудо не факт, что оценят надлежащим образом. В общем, каждому времени свои попаданцы.

Он про то, что делать всегда надо то, что должно, а уж как оно там будет... Так, например, всего один день жизни, выпрошенный у Ангела Смерти, можно потратить не на культурно-массовое застолье, не на завещания и подсчет денежных средств под матрасами и даже не на составление прощальных писем мировой общественности, а просто... на пошив сандалий для односельчан. Как делал это всю свою жизнь, день за днем. И кто сказал, что последний день должен как-то отличаться от остальных?

Он про то, что не только попаданцы, но и Красные Шапочки нонеча пошли прагматичные донельзя. Это у Шарля Перро все было ясно — кто жертва, кто агрессор. А у современных Шапочек они как будто поменялись местами: Красная Шапочка вместе с мамашей и бабуленцией — семейный подряд мошенниц — хорошо еще, не клофелинщиц, охотники — заранее нанятая массовка «свидетелей преступления», готовая дать какие угодно показания про-

тив главной жертвы — бедолаги Волка... И вообще, волкам в условиях правового государства и победившего феминизма не развернешься особо, лучше не ходить в одиночку по саунам, всяким лесам и укромным бабушкиным домикам, а то мало ли что?

Он про то, что традиционные американские зомби-страшилки сами по себе уже не страшные, а какие-то теплые и домашние по сравнению со страшилками про защитников всех этих «восставших из ада». Мы привыкли подшучивать над западной версией политкорректности, но некроамериканцы — это вам не гей-парады и не негритянские районы. Это далеко не милая хеллоуинская история под горячий чай с тыквенным пирогом, а практически суровая правда жизни. Даже не знаешь, что можно этому противопоставить? Разве что ликаноамериканцев с русскими корнями?

И еще много о чем этот сборник. Как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

История же знакомства с Михаилом Глебовичем вашего покорного слуги вписывается в схему «старик Успенский нас заметил...» и потому заслуживает того, чтобы быть изложенной здесь — если не в качестве городской фэнтези, то хотя бы в поджанре мистического реализма.

Совпадения бывают разные. Обычно это «просто совпадения». Но бывают и не просто, а судьбоносные, фантастические, нереальные совпадения, которые потом оставляют память о себе если не в веках, то, по крайней мере, в течение значимого промежутка времени. Из тех, про которые говорят: «Закономерность — это то, что мы думаем о мире; случайность — это то, что мир думает о нас». К таким «случайностям» и относится наше с Михаилом Глебовичем знакомство. Хотя «знакомство» — это не совсем подходящее для такого случая слово. Скорее — «пересечение». И не только с Михаилом Глебовичем, но и — внезапно! — с Пушкиным, Державиным и всей русской словесностью, если не сказать больше. Впрочем, обо всем по порядку.

Началась эта история с того, что мне вдруг сообщили — мой сборник «Балканский венец» выдвинут на премию «Странник», и надобно ехать в Петербург, дабы предстать пред очи грозного жюри, которое еще не факт, что даст

что-нибудь, кроме мотивирующего пинка. Тут же началась суета, связанная с получением краткого отпуска за свой счет и скоростным отъездом в Питер. А потом был ливень, очень по-питерски заливший меня с ног до головы, нахальные питерские таксисты и ведущий церемонии награждения «Странника», отпуская шуточки в адрес номинантов. Но как оказалось впоследствии, это была завеса из тюля второстепенных событий, призванных заслонить собой главное.

И вот оно, объявление победителей. Поскольку «Балканского венца» среди них ожидаемо не оказалось, пришло время потихоньку покинуть высокое собрание, как вдруг... С этого «вдруг», которое, как оказалось впоследствии, никакое не «вдруг», и началось мое знакомство с Михаилом Глебовичем. Не как с писателем-фантастом. Не как с членом жюри литературного конкурса. А как с человеком, имеющим позицию и умеющим ее отстаивать.

Итак, вдруг (!) было объявлено две новости. Во-первых, было сообщено, что гран-при присуждаться не будет, ибо... А, во-вторых, что будет вручен некий специальный приз жюри, каковой достается внезапно... вашему покорному слуге. Как оказалось впоследствии, именно гражданин Задунайский стал первым лауреатом личной писательской премии Михаила Успенского. Тут же опять началась суета, награждения, бокалы с шампанским, выход к микрофону, прогулки по ночному Петербургу... Все это, опять-таки, призвано было заслонить собой главное событие, которое, к сожалению, было осмыслено уже после описываемых событий. У гражданина Задунайского не было никакого представления о разгоревшейся тогда ожесточенной борьбе среди членов жюри, эдакой «битве титанов под ковром», причиной которой стал именно «Балканский венец». Причем это были, судя по всему, не просто разногласия по поводу того, кого считать лучшим, обычные для любого литературного и не очень конкурса. Шла борьба концептов, борьба идей.

Дождливый октябрь 2013-го... С высоты прожитого понимаешь, что это был момент своеобразного перелома. Это было как раз время сесть и подумать, что и как, потому

что потом события покатаются «с горы» и размышлять уже некогда будет. Судя по всему, именно это и сделал тогда Михаил Глебович. И неприсуждение гран-при прославленным мэтрам жанра, стопроцентным кандидатам на победу, и вручение специального приза никому не известному начинающему писателю... Подозреваю, что мало кто тогда вообще мог объяснить, что и зачем сделал Михаил Глебович, менее всех — поименованный выше начинающий писатель с балканским псевдонимом.

Разумеется, подойти и поблагодарить в такой ситуации — это и святая обязанность, и горячее желание любого призера, что и было проделано. Призер тешил себя надеждой лично пообщаться с мэтром, благодаря которому случились все эти невероятные события. Но опять нахлынувшая толпа народа, поздравления, изысканный фуршет, опять эта вечная суета сует... Больше всего сожалею о том, что поговорить «по душам» с Михаилом Глебовичем мне тогда толком так и не удалось. Была мысль, что впереди еще много времени, успеем. Не успели. Никогда не откладывайте общение с человеком на потом! Михаила Глебовича Успенского не стало в декабре 2014 года. Светлая память Ему. А нам... Нам остается попытаться понять, что же он хотел сказать всем нам тогда, в октябре 13-го...

А у меня на память о тех событиях остался приз, бронзовая миниатюра — копия памятника Пушкину в Лицейском саду. Это я пишу, предваряя вопросы о том, а причем тут, собственно, наше все. Так и стоит у меня на полке Александр Сергеевич, напоминая о случившемся, — как совсем недавнем, так и почти двухсотлетней давности. Тогда, как всем известно, 14-летний Саша Пушкин продекламировал перед тогдашним мэтром словесности Гаврилой Державиным свое стихотворение, чем вызвал горячее одобрение последнего. По воспоминаниям современников, Державин воскликнул: «Я не умер. Вот, кто заменит Державина». История эта произвела тогда на Пушкина неизгладимое впечатление, следствием чего стало его знаменитое: «Старик Державин нас заметил и, в гроб сходя, благословил» — в восьмой главе «Евгения Онегина».

Никоим образом не покушаясь на аналогии, все-таки не могу не процитировать Екклесиаст: «Что было, то и будет, и что творилось, то творится, и нет ничего нового под солнцем». А если учесть, что тот же Гаврила Державин, кроме того, что был поэтом, находился еще и на государственной службе Российской империи, побывал сенатором, губернатором, действительным тайным советником, то картина становится еще более законченной. И, кстати, о картинах. Великий русский художник Илья Репин, живописавший ту самую сцену выступления юного Саши Пушкина перед мэтром русской словесности, сотворил также масштабное полотно под названием «Юбилейное заседание Государственного совета». Но это уже совсем другая история.

Все больше убеждаюсь в том, что тогда, в дождливом октябре, произошла та самая случайность, которую подумало о нас мироздание, связав воедино несоединимое в виде современной российской фантастики, балканского фольклора и русской классической поэзии. Но даже в случайности ясно просматриваются мысль и воля талантливого писателя и просто замечательного человека, Михаила Глебовича Успенского. А это значит, что планка установлена и опустить ее нельзя ни в коем случае, ибо...

А Михаилу Глебовичу мой низкий поклон. Как писателю и как человеку.

Вук Задунайский

Вячеслав Бакулин

Черный гость Майка Соколова

«Черный человек!
Ты — прескверный гость!
Эта слава давно
Про тебя разносится». —
Я взбешен, разъярен,
И летит моя трость
Прямо к морде его,
В переносицу...

Сергей Есенин

Бывает так: традиционно в семь ноль пять резкий звук катапультирует тебя из сна. Несколько секунд — настоящее безвремяе — несинхронно моргаешь, пытаешься ухватить за призрачный кончик хвоста ускользающую нереальность... картинку... фразу. Куда там! В голову лезет исключительно всякая чушь вроде: «Чтоб я! Еще раз! Позже полуночи!...» или «Хочешь с гарантией возненавидеть любимую песню? Поставь ее на будильник!». Осознав наконец себя и свое место в мире, потягиваешься с широким зевком и грациозностью... кота? Да ладно! Пьяного енота — еще туда-сюда. Потом решительно — настолько, что способен обзавидоваться матерый стрипдэнсер, — откидываешь одеяло, быстро натягиваешь холодную одежду и шлепаешь в ванную, под аккомпанемент ритмичного скрежета лопаты дворника за окном. До пробуждения еще далеко.

По улице плывут сиреневые утренние сумерки; стены домов неравномерно размечены желтыми прямоугольниками освещенных окон. Остро пахнет выпавшим ночью

снегом, под ботинками хрустит гранитная крошка... или что там нынче сыплют на тротуары против гололеда? Раскланиваешься (именно раскланиваешься — совершенно естественно и без капли манерности) со смутно знакомым старичком в винтажном пальто с каракулевым воротником и шапке-«пирожке». На поводке у старичка — такая же старая такса в зеленом вязаном комбинезоне: толстая, одышливая, с почти седой шерстью на морде. Удивительно, но в глазах у обоих — что собаки, что хозяина — нет и следа дряхлости, усталой обреченности и ожидания скорого, неизбежного конца. Наоборот, они блестят тем шальным задором и восторгом жизни, какой, наверное, доступен лишь таким вот пожилым существам, у которых многое уже позади. «Жизнелюбие восьмидесятого левела», — приходит в голову странная мысль. Попробуй тут не улыбнись!

Настроение подскакивает сразу на несколько пунктов. Его не способны ухудшить ни маршрутка, стылая, как холодильник морга, ни забитый до предела вагон метро, с размаха бьющий в нос тяжелым кулаком пота и парфюма. (Похоже, ничего не изменилось со времен Средневековья — люди по-прежнему стремятся перебить сильными запахами смрад немытого тела. И по-прежнему почти безрезультатно.) К тому же в наушниках поет что-то приятно-ненавязчивое, отсекая внешние звуки, а на «читалке» — долгожданное завершение трилогии Янгеров «Порой мерзавцев слишком много». Умеют же люди писать! Немудрено и проехать свою станцию, затерявшись между строчек.

В бизнес-центре уже всюю кипит жизнь — мелькают пиджаки и сорочки, юбки и блузки (светлый верх, темный низ — элегантная тоска!) офисных служащих, кое-где разбавленные форменными костюмами курьеров, почтарей и даже подателей скромных радостей мирских — разносчиков пирогов и пиццы. Раненько кто-то начинает...

Привычно кивнув охраннику на КПП, одновременно шлепаешь магнитной карточкой пропуска по датчику турникета, а потом не глядя отстукиваешь на клавиатуре вызова лифта свой одиннадцатый этаж. Против обыкновения, створки раскрываются почти сразу же. Подпеваешь финальным аккордам песни в наушниках и, кажется, де-

лаешь это чуть громче, чем нужно: курносая блондиночка напротив — хм, лицо незнакомое. Новенькая? — беззвучно хихикает, прикрыв рот вязаной варежкой. О серебристые от инея кончики ворсинок ее меховой ушанки, кажется, можно уколоться, а сама девчонка мило краснеет от мороза пополам со смущением. Подмигиваешь ей и шепчешь одними губами: «Рок-н-ролл!», широко улыбаясь. Блондиночка обозначает кивок, улыбаясь в ответ. Ноздри щекочет острый запах свежесваренного кофе из стаканчика в ее руке. Хочется чихнуть — звонко, от души, на всю кабину. Кажется, ты наконец-то начинаешь понимать смысл нюхательного табака...

Блондиночка выходит двумя этажами ниже. Проводив взглядом ладную фигурку в короткой приталенной дубленке — нет, все-таки стоит выяснить, что это за девчонка, — ты наконец-то достигаешь своей цели. Вот оно — место, на котором мы проводим, если верить ученым, до четверти жизни. Наша каторга и дурдом. Наши авгиевы конюшни и подводная лодка, с которой не сбежать. Наши Фермопилы и Перл-Харбор. Место величайших разочарований и грандиознейших триумфов. Смертной рутины и сокрушительных брейнштормов. Нервных срывов и гениальных озарений. Место, в котором сполна познаешь дискретность времени, цену людской благодарности и мимолетность... всего.

Работа, благослови ее бог.

Раздеться-переобуться-рукопожаться-расцеловаться-включиться.

Как выходные? — Во дает! — Ужé? — Йессс! — Что, опять не приняла?! — Да хорош! — Пойдешь в четверг? — Телефон! — Ой, меня нет!..

Щелк! Безмолвный огонек красноречивее любых слов. Разумеется, все как обычно — кататься каждый любит, а вот как саночки возить, то есть залить воды в кофе-машину...

Ценой двух улыбок и обещания одного леденца на палочке за водой отправлена Маринка, а ты решаешь посетить туалет. Пару минут спустя, насвистывая, выходишь из кабинки. Тщательно — да, пунктик, ну и что? — вымыв руки с мылом, набираешь полные пригоршни воды и с удоволь-

ствием плещешь в лицо. Потом, отфыркиваясь, поднимаешь голову от раковины и понимаешь: так не бывает.

И дело даже не в том, что из зеркала на тебя смотрит совершенно другой человек.

Из зеркала на тебя смотрит — мертвец!

* * *

В том, что он ненавидит больше, отца или свое паспортное имя, Майк Соколов ни на минуту не сомневался. Разумеется, отца. Потому что само по себе имя «Михаил» не хорошее и не плохое. Обычное имя. Бывает и лучше, конечно, но бывает и хуже. И даже — гораздо хуже.

Так что проблема была именно в отце. Драгоценном, мать его, родителе. Который, и без того, с точки зрения Майка, обладая пышным букетом недостатков, грехов и пороков, тридцать четыре года назад совершил главную гнусность в своей жизни — продавил-таки жену зарегистрировать новорожденного именно Михаилом.

А самого отца звали Потап.

«Он всех убеждал, что это будет очень здорово, — тихо говорила мать, как всегда отводя взор. — И потом, ты же знаешь, сынок, если уж отец что-то решил, спорить с ним бесполезно...»

О да, это Майк знал. Сколько он себя помнил, характер у папочки был совершенно бараний. Особенно если к тупой упертости травоядного добавить совершенно плотоядную агрессию, моментально вспыхивающую по отношению к любому, кто посмел не согласиться с Соколовым-старшим хоть в чем-то. Конечно, Майк и сам был не дурак поспорить, но ведь не процесса же ради! И не до мордобоя отстаивая какую-нибудь чепуху, а то и откровенную ересь, абсолютно не разбираясь в предмете спора. А вот отец, кажется, находил особую прелесть именно в таких спорах. И чем сильнее оппонент отличался от него, Потапа Соколова, чем более был образованным, интеллигентным и склонным к спокойному и аргументированному изложению своей точки зрения, а не к матерным тирадам, вылетающим изо рта вместе с брызгами слюны, и не к по-

трясанию кулаками, тем слаще было отцу вынудить того в итоге, плюнув, прекратить спор и ретироваться. «То-то! Знай, наших, философ ...в!» — обычно изрекал в таких случаях Потап, горделиво вскидывая голову. А Майк, если он становился свидетелем такого спора, постоянно испытывал чувство неловкости. Словно его вынудили участвовать в чем-то постыдном, или оно творилось на его глазах, а он не смог вмешаться и положить конец безобразию.

Надо сказать, несколько раз на памяти Майка отец нарывался на того, с кем спорить «по-потаповски» не следовало. Тогда дело заканчивалось синяками, разбитой в кровь физиономией и помятыми ребрами — будучи бесконечно вспыльчивым, готовым броситься в драку очертя голову и продолжать ее, пока есть силы держаться на ногах, богатырскими статьями или каким-то особенным талантом в причинении физического урона ближним Соколов-старший не отличался. Впрочем, посрамление отца не приносило Майку удовлетворения. Во-первых, Потапа это ничему не учило, а во-вторых, и Майк, и мама, и все прочие друзья-родственники-знакомые несколько дней после инцидента были вынуждены наслаждаться версией отца, метко окрещенной дядей Сережей, братом матери, «говно два-ноль». Ну и, разумеется, ходить на цыпочках, исполняя любую прихоть «пострадавшего за правду».

Так вот, о ненавистном имени. Сперва Майк думал, что отец отыгрывается на нем за собственную детскую травму. Все-таки середина пятидесятых, когда родился Потап, ничем не напоминала наше вывихнутое время. Это теперь придурки под влиянием моды «назад к корням» состязаются друг с другом в экстравагантности, заодно уродуя жизнь своим Сысям, Агапам и Лукерьям, а тогда... В общем, деду Степану (ведь нормальное же имя было у человека!) никто не мешал наречь старшего из двух своих сыновей так же нормально — Лешкой, там, Сашкой или Колькой. Назвал ведь младшего Витькой, не облез. Опять же, насколько знал Майк, верующим настолько, чтобы дать ребенку имя в честь святого, память которого чтит в тот день, дед тоже не был. Тем паче, что именины Потапа приходились на апрель и декабрь, а родился он в сентябре.